

ЭЛЕНА ТОМСЕТТ

Проклятье рода Ротенбургов

КНИГА 4. СУЖЕНЫЙ

Элена Томсетт

**Проклятье рода Ротенбургов.
Книга 4. Суженый**

«Издательские решения»

Томсетт Э.

Проклятье рода Ротенбургов. Книга 4. Суженый / Э. Томсетт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837896-6

От судьбы не уйдешь. Кажется, все в жизни у героини налаживается, есть муж и дочь, забавная Юлька, но прошлое не хочет отпускать, еще раз вмешавшись в ее жизнь и разрушив все ее планы.

ISBN 978-5-44-837896-6

© Томсетт Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Проклятье рода Ротенбургов

Книга 4. Суженый

Элена Томсетт

Фотограф Элена Томсетт

© Элена Томсетт, 2017

© Элена Томсетт, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-7896-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Почти полтора года после нашего переезда из России в Германию, в июле 1997 года, мы с мужем и дочерью собирались провести отпуск на одном из маленьких греческих островов, подальше от туристов. Но неожиданно Эгису пришлось ехать в очередную командировку в какую-то арабскую страну, сделавшую крупный заказ медицинского оборудования, который его компания не могла упустить. Его родители, сначала выразившие желание поехать с нами, тоже были вынуждены отказаться от этой поездки, так как перед самым отъездом фрау Ульрика подхватила грипп. Моя невестка Кристина и деверь Ивар были заняты своими семейными проблемами и, в результате, мы с Юлькой отправились на курорт вдвоем.

Остров действительно оказался прекрасным местом для отдыха. Расположенный недалеко от побережья Греции, он, по какой-то причине был обойден вниманием туристов. Пятизвездочный отель, построенный по самым современным технологиям, небольшой и уютный, поражал своей чистотой, большими просторными номерами с огромными окнами, выходящими на море. Ко всему этому прилагалась варварски великолепная природа, целая гряда чистых пляжей с прозрачной незамутненной туристами водой и большим бассейном, при виде которого четырехлетняя Юлька запрыгала от радости.

Первые два дня мы не высовывали носа из отеля. Юлька мирно плескалась в детском отделении бассейна, я лежала с книгой и загорала в шезлонге рядом. Основное население отеля составляли богатые старички, которые, как я полагала, прятались здесь от шума больших курортов.

В первой половине нашего третьего дня в отеле, задремав в своем шезлонге, я очнулась от звонкого голоса Юльки:

– Мама! Смотри, кого я нашла! Это Люк.

Я сдвинула с лица широкополую шляпу, защищавшую меня от солнца, открыла глаза и увидела рядом с Юлькой темноволосого красивого мальчика лет семи, хорошо сложенного, загорелого, с ясной белозубой улыбкой.

– Простите, мадам, мы не хотели вас беспокоить, – произнес он по-английски, вежливо улыбаясь. – Надеюсь, вы не будете возражать, если я поиграю с Джулией?

Юлька стояла гордая, как маленький индюшонок.

– Ну что вы, сэр, – сказала я, тоже улыбаясь и поддерживая его вежливый тон. – Вы сделаете мне одолжение.

Я встала из шезлонга, чтобы размять ноги, и сняла шляпу. Мои длинные светло-русые волосы каскадом упали мне на плечи. Мальчик смотрел на меня, не отрывая глаз.

– Мадам француженка? – спросил он, наконец.

– Почему ты так решил?

– Вы выглядите, как фотомодел, – так же вежливо пояснил мальчик. – И вы обе очень красивые.

– Ах ты, маленький льстец! – засмеялась я. – Ты что, тоже живешь в этом отеле? И тебе тоже смертельно скучно?

– Да, – он снова улыбнулся. – Мы приехали с отцом только вчера вечером, мы всегда проводим здесь две недели в июле.

– Мама! – Юлька топнула ножкой. – Так мне можно поиграть с Люком?

– Конечно, поиграйте, – разрешила я. – Вы будете в бассейне?

– Да, – сказал Люк. – Я хотел поучить Джулию плавать.

Я кивнула, и в тот же момент оба сорвались с места и с воплями побежали к бортику бассейна. Первой в воду, подняв кучу брызг, плюхнулась Юлька. Вслед за ней мягко, почти без плеска, как профессиональный пловец скользнул в воду мальчик Люк.

Я развернула шезлонг так, чтобы оба находились в моем поле зрения, подняла спинку, превратив его в кресло, снова надела свою светлую соломенную шляпу, темные очки, взяла в руки книжку и начала читать, время от времени поглядывая на резвящихся в воде детей.

Прошло не более получаса, как на корт открытого бассейна вышел высокий стройный мужчина в светлых, до колена, летних шортах, тоже загорелый и темноволосый.

– Сэб! – несколько раздраженно сказал он, подходя к краю бассейна. – Сколько раз я говорил тебе, чтобы ты не исчезал без предупреждения!

Мальчик подплыл к краю бассейна, вытащил на бортик мокрую Юльку, вылез сам и стоя перед мужчиной, негромко ответил:

– Извини, папа.

Я закрыла книжку, бросила ее в шезлонг, сняла очки и шляпу и отправилась спасать галантного Люка.

– Простите ради бога, – сказала я по-немецки, поскольку мужчина говорил с мальчиком именно на немецком. – Это наша вина. Моя дочь просто умирала со скуки одна в этом бассейне, пока не увидела Люка. Посмотрите на нее, эта маленькая барышня стоит целой армии! У Люка не было шансов устоять.

Мужчина медленно повернулся ко мне, и я чуть не завизжала от ужаса, как Юлька. Это был ни кто иной, как его светлость барон Марк фон Ротенбург, старший сын и теперь наследник моего покойного первого мужа, барона фон Ротенбурга. Моя первая несчастная любовь и та самая бессердечная скотина, которая после смерти мужа лишила меня наследства, украла документы о моем браке и свидетельство о рождении сына, а затем отняла у меня и моего маленького сына.

Справедливости ради, надо сказать, что его светлость тоже несколько обалдел от неожиданности.

– Елена! – только и смог сказать он, пожирая меня взглядом.

Я невольно вздрогнула и пожалела, что именно сегодня утром решила надеть новый светло-голубой, очень открытый супермодный купальник, состоявший из сплошных веревочек и завязочек, и едва прикрывавший мои прелести.

– Вы знакомы! – запрыгала от радости Юлька. – Значит, нам с Люком можно будет поиграть?

Марк перевел взгляд на четырехлетнюю, тоненькую, как былинка, Юльку, казавшуюся еще более белокожей в ее алом купальнике с юбочкой, зеленоглазую, с длинными, до пояса, светлыми волосами, и медленно, неверяще, спросил, поднимая на меня глаза:

– Это твоя дочь?

– Да.

Я выдержала его взгляд.

– Это моя дочь, Юлия. Значит, Люк – твой сын?

– Люк? – удивленно спросил он. – Почему Люк? Это мой сын Луи-Себастьян.

– Луи!

Я взволнованно уставилась на мальчика. Это был Луи! Судьба все-таки дала мне шанс вновь увидеть своего сына. Теперь уже все трое смотрели на меня.

– Луи, это твоя тетка, баронесса Элен фон Ротенбург, – наконец, медленно сказал Марк, обращаясь к мальчику.

– Значит, Джулия моя кузина?

– У меня есть кузен! – обрадовано закричала Юлька, подпрыгивая на месте от волнения, а потом, вдруг остановилась и уставилась на Марка большими блестящими зелеными глазами: – А тогда ты кто?

– Он твой дядя, барон Марк фон Ротенбург, – поспешно представила его я.

– А, это тот, которого никто не любит! – с детской непосредственностью сказала Юлька, сразу теряя к нему интерес, но потом все-таки еще раз посмотрела на него и добавила, обращаясь уже ко мне: – Но ведь он не может быть совсем плохой, правда? Он ведь папа Люка, и вообще, он разрешил нам поиграть?

Светлые, серебристо-серые глаза Луи блеснули насмешкой.

– Пошли, Джулия, – сказал он, беря Юльку за руку. – Еще раз прыгнем вон с того высокого бортика.

– Луи, может быть, ты пригласишь свою кузину и тетю пойти с нами на пляж? – неожиданно сказал Марк, глядя на обоих детей.

– На наш пляж? – вежливо уточнил Луи.

– Да.

Луи внимательно посмотрел сначала на отца, потом на меня, потом снова перевел взгляд на Марка.

– Папа, почему бы тебе не пригласить Элену и Джули самому?

– Луи, пригласи ты! – вмешалась, как всегда бесцеремонная Юлька. – Ты маме понравился!

– Баронесса? – Луи поднял на меня серебристые глаза, которые он унаследовал от своего отца, старого барона Гюнтера фон Ротенбурга.

– Хорошо, Луи, спасибо за приглашение, – сказала я, проглатывая вставший в горле ком. – Только, может быть, мы сначала съедим ланч?

– Папа всегда делает барбекю на нашем пляже, – обрадованно сказал Луи. – Потерпите немного и вы не пожалеете!

– Хочу барбекю! – закричала Юлька, а потом повернулась к Луи и спросила: – А что это такое?

Луи звонко рассмеялся, Юлька тут же присоединилась к нему, и я с удивлением услышала негромкий смех Марка.

Весь остаток дня мы провели в маленькой бухте, скрытой от посторонних взглядов посетителей отеля нависающими над ней утесами. Дети бегали наперегонки, смеялись, барахтались в теплой морской воде. Я, прикрыв глаза все той же соломенной шляпой, лежала и загорала на предусмотрительно захваченном из отеля полотенце. Марк разложил на берегу маленький костер, и, сидя возле него, строгал палочки для шашлыков. Луи вскоре присоединился к нему. Когда они настрогали достаточно, Марк прогнал детей от костра, боясь, что неутомонная вертлявая Юлька может пораниться, случайно наступив босой ногой в костер.

– Мы с мамой строим замечательные замки из песка! – вспомнила Юлька. – Пошли, Люк, мы и тебя научим!

Я устроилась с детьми у самой воды и, стоя на коленях, пропуская мокрый песок сквозь пальцы, тонкой струйкой укладывала его на предварительно сооруженное Луи основание замка, придавая ему причудливые, почти готические очертания.

– Как красиво! – восхищенно сказал Луи, когда мы закончили, поднимаясь с колен и отряхиваясь от песка. – Папа, посмотри!

Я почти физически почувствовала приближение Марка, но так и осталась сидеть на коленях, с испачканными в песке руками. Хулиганка Юлька, скача вокруг меня, как обезьянка, умудрилась выдернуть из моих волос заколку, и непослушные, слишком отросшие за прошлый год волосы волной накрыли мои плечи и грудь, чуть не коснувшись песка.

– Ох, и наподдам я тебе сейчас, мартышка, – пригрозила я Юльке, пытаясь снова собрать волосы в узел, но Луи неожиданно коснулся пальцами моих волос и тихо повторил то, что сказал мне в бассейне:

– Вы такая красивая, сеньора! Оставьте их так, не закалывайте, вы похожи на принцессу.

Я сдула упавшую на лицо прядь волос и увидела, что Марк протягивает мне руку, чтобы помочь подняться. Ухватившись за его руку, я встала. Дети тут же со смехом потянули меня к костру, на котором жарилось мясо. Через полчаса мы сидели возле костра и уплетали восхитительно вкусное жареное мясо. Луи выкатил из костра печеную картошку, обжигая пальцы, почистил ее и отдал Юльке. Марк молча сделал тоже самое, только протянул картошку мне. Я помедлила и взяла из его рук картошку. В свете костра его глаза насмешливо блеснули и погасли.

Поздно вечером, когда мы вернулись в отель, и смертельно усталые дети буквально упали в свои кровати, я, прикрыв легким одеялом Юльку, вышла на темный корт бассейна.

Спать мне не хотелось. Я снова села в шезлонг у воды и стала думать, что же мне делать.

– Я хочу о чем-то попросить тебя, Элена, – внезапно раздался за моей спиной негромкий голос Марка.

Я вздрогнула так, что чуть не вывалилась из шезлонга.

– Ты с ума сошел! Так меня напугать!

Он подошел к моему шезлонгу и опустился на каменный пол у моих ног.

– Что тебе нужно? – почти враждебно спросила я.

Он смотрел на меня снизу вверх, не сводя с моего лица своих казавшихся в ночи темными глаз.

– Дети, кажется, подружились, – наконец, произнес он. – Не уезжай. Пусть они побудут немного вместе. Луи очень замкнутый мальчик. Твоя дочь заставляет его смеяться. Я давно не видел его таким оживленным и счастливым. Давай не будем портить им отдых. Две недели пролетят, как один день. Все вместе съездим на Крит, в Афины, будем загорать, купаться. И только. Я обещаю, что этим все ограничится.

– Я не хочу проблем с Эгисом, – наклонив голову, сказала я.

Он вздохнул.

– Ты не хочешь побыть с сыном?

– Я тебя сейчас выброшу в бассейн, Марк! Ты отнял у меня сына!

– Не стоит начинать все с начала, – устало сказал он, поднимаясь на ноги. – Подумай. Завтра утром я хотел бы знать твой ответ. Тогда мы заберем детей и отправимся в Грецию. Здесь только полчаса до греческого побережья.

– Вплавь? – не удержалась от ехидного замечания я.

– У меня в порту яхта, – невозмутимо ответил он. – Спокойной ночи.

Глава 2

– Мама, я хочу к Люку! – с утра начала ныть Юлька, скача по моей кровати и не давая мне спать. – Вставай, уже полдевятого. Ты сказала, что можно будет разбудить тебя после восьми. Я хочу есть!

– Ты всегда хочешь есть, – пробормотала я, пытаюсь разлепить глаза. – Хорошо-хорошо, я встаю, только дай минутку.

Наскоро умывшись и причесав волосы, но, по привычке, даже не потрудившись заколоть их, я подхватила Юльку за руку и вместе с ней вышла на веранду отеля, где мы обычно завтракали. Не успели мы сделать и несколько шагов по направлению к нашему столику, как к нам с улыбкой подлетел метрдотель.

– Моя прекрасная сеньора, барон фон Ротенбург и его сын приглашают вас к его столику.

Я огляделась по сторонам и увидела сидевших за столиком на открытой части веранды Марка и Луи. Чистенький причесанный Луи, сверкая белозубой улыбкой, вскочил из плетеного соломенного кресла и помахал нам рукой.

– Люк! – закричала Юлька, устремляясь ему навстречу.

– Елена, – произнес Марк при моем приближении, вставая и отодвигая для меня стул.

Я улыбнулась Луи, кивком поблагодарила Марка, коротким строгим взглядом призвала к порядку Юльку и села за стол. Дети тут же уселись на свои места, Юлька схватила йогурт; Луи, как образцовый мальчик из приличной семьи, начал мазать маслом свой тост.

– Континентальный завтрак? – вопросительно произнес Марк, глядя на меня.

– Нет, спасибо, – оказалась я. – Слишком тяжело. Салат?

– С утра? – удивился он.

– Прекрасная сеньора настоящая гречанка, – льстиво произнес метрдотель. – Греческий салат?

– С фетой и оливками, пожалуйста, – согласилась я.

– Греки из моей команды будут просто молиться на тебя, – заметил Марк, принимаясь за свой завтрак, состоящий из традиционного бекона, яиц, и помидор с грибами.

– Какой еще команды? – подозрительно спросила я.

– Папа сказал, что он предложил вам с Джулией прогулку с нами по побережью Греции, – быстро сказал Луи. – Мы хотели поехать в Афины и на Крит. Я уверен, что вам понравится. Ну, пожалуйста, Елена! – он умоляюще посмотрел на меня. – У нас большая яхта, очень хорошая, вам будет удобно. Капитан команды – грек, сеньор Периклюс, он просто помешан на салатах, вы будете его любимой пассажиркой!

– Ура! – закричала Юлька. – Мы едем в Грецию. Там живут грецкие орехи?

Что мне оставалось делать?!

Луи оказался прав. Старый греческий капитан был очарован с первого взгляда. Когда я, опираясь об его руку, прыгнула на палубу яхты Марка, и моя соломенная шляпа скользнула вниз по моей спине, открывая длинные волнистые светлые волосы, старый седой грек заглянул мне в лицо, и на лице его отразилось благоговение.

– Сеньора настоящая красавица! – вскричал он. – Вы похожи на Афродиту, дорогая моя! Светло-русые кудри до пояса, фиалковые глаза, идеальная фигура! Ваша светлость, глазам своим не верю! Вы, наконец, женились? Мои поздравления!

– Кто такая Афродита? – спросила Юлька, сидя на руках у Марка.

– Греческая богиня, – сказала я, забирая ее из рук Марка и ставя на палубу.

– Богиня? – зеленые глаза Юльки широко раскрылись от изумления. – Но ведь есть только один бог, Иисус Христос, и его мать, святая Мария. Откуда взялась эта богиня?

– Я тебе потом расскажу, – пообещала я. – Когда капитан приведет яхту к греческим берегам и покажет нам гору Олимп. Хорошо?

– Вы знаете, где гора Олимп? – тоном прокурора спросила у капитана Юлька.

Старый седой капитан громко расхохотался.

– Знаю ли я гору Олимп? Да, маленькая нимфа, знаю. И очень хорошо. За мной – привести яхту к Олимпу, за твоей мамой – история. Вы согласны, Афродита?

Он хитро посмотрел на меня.

Луи растерянно посмотрел сначала на меня, а потом на Марка.

– Что особенного в этой горе?

– Я вам все расскажу, – пообещала ему я, обнимая обоих детей за плечи и подмигивая капитану.

– Это сказка! – обрадовалась Юлька. – Мама всегда рассказывает мне на ночь чудесные сказки. Тебе понравится, Люк.

– Это не сказка, это легенда, – поправила ее я.

– Хорошо, – отмахнулась Юлька. – Люк, покажи мне этот чудесный корабль. Я обожаю большие лодки!

– Ваша дочь, сеньора, просто очаровательна! – галантно сказал мне капитан, скрывая усмешку.

– Периклос, я хотел бы представить тебе нашу спутницу, – официальным тоном сказал Марк. – Это баронесса Элен фон Ротенбург, член моей семьи.

– О! – только и сказал капитан, поднимая брови. – Большая честь для нас, баронесса. Надо полагать, вас опередили, ваша светлость?

– Да, и это целиком его вина, – быстро сказала я, и тут же попыталась перевести разговор на другую тему. – Говорят, вы большой знаток и большой мастер по приготовлению салатов?

– Сеньора любит салаты? – расцвел в улыбке капитан.

– Елена, по-моему, не ест ничего, кроме салатов, – проворчал Марк.

– Не зря я полюбил вас с первой минуты! – с чувством сказал грек. – Вы ведь не немка, не правда ли? Вы – француженка?

– Нет, я русская.

– Ну конечно! Роксолана!

– Роксолана? – с удивлением повторил Марк.

– Турки, а за ними и греки, называли так русских девушек, попавших в гарем к знатым господам, – пояснила я. – В честь украинки Роксоланы, жены султана Сулеймана и матери султана Селима Великолепного.

– Вы замужем, прекрасная сеньора? – осведомился капитан, игнорируя раздраженный взгляд Марка.

– Да, а в чем дело? – не поняла я.

Старый грек жалостливо поцокал языком.

– Вы такая красавица и такая умница! Хотите, я убью вашего мужа для того, чтобы вы достались его светлости? Он будет носить вас на руках. Посмотрите на него, он же без памяти в вас влюблен.

– Слишком поздно, Периклос, – с застывшей на губах усмешкой сказала я, – поезд ушел. Мы с его светлостью теперь только родственники.

Через несколько часов после того, как яхта вышла в море, я стояла на носу, слегка придерживаясь рукой о перила, и с волнением смотрела на приближающийся берег.

– Олимп, сеньора! – прогремел с капитанского мостика голос Периклоса. – Прямо по борту. Видите вон ту гору?

– Вы обещали рассказать историю, Элена, – робко напомнил Луи, подходя и становясь рядом со мной. Юлька тут же оказалась с другой стороны от меня.

– Хорошо.

Я придержала за поля свою широкополую соломенную шляпу, защищавшую мое лицо от солнца. Прибрежные ветер развевал мои длинные волосы. Подол моего светлого длинного, до щиколоток, сарафана, хлопал на ветру, как парус.

– Когда-то, в далекие времена, когда не было еще на свете Иисуса Христа и его матери Марии, на горе Олимпе жили первые древнейшие человеческие боги. Боги, которые были очень похожи на людей. Они могли ходить среди людей, могли радоваться и горевать вместе с людьми, могли помогать людям, но могли им и вредить. Они были красивы человеческой красотой и могущественны силой природы.

– Главным богом и отцом всех богов был Зевс, – продолжала я, переведя дыхание. – Он был высок, крепок и красив, но у него был очень плохой характер. Он обладал посохом-трезубцем, которым мог вызвать молнию и гром. Сила его была настолько велика, что при помощи своего трезубца он мог потрясать небо и землю, вызывать волнение на морях и разрушать континенты. Все другие боги боялись и уважали Зевса. У Зевса была жена, богиня Гера, прекрасная как женщина-мать, которая считалась богиней плодородия и которая покровительствовала женщинам-матерям. Женщины всей Греции, независимо от того, бедные они были или богатые, могли принести ей жертву, и тогда она помогала им.

– Жертву? – вмешалась неугомонная Юлька. – Это как?

– Когда ты с бабушкой ходишь в церковь, ты ставишь богу свечку, – пояснила ей я. – Это и есть то, что осталось от жертвоприношений древних времен. В те далекие времена люди несли богам то, что у них было: еду, одежду, скот.

– И что, у каждого бога была своя икона?

– У каждого бога был свой храм, – под тихий смехок Луи сказала я.

Юлька открыла рот от негодования, подумала, потом закрыла его и только сказала:

– Давай дальше. Сколько же их было, этих богов?

– Много. Брат Зевса, бог Посейдон, был богом морей и океанов. Когда он гневался на людей, он вызывал на море страшные бури, которые топили корабли.

– А зачем он гневался? – снова вмешалась Юлька. – Потому что они бросали бутылки в воду?

– И поэтому тоже. В основном, он гневался потому, что моряки, прежде чем выйти в море, не приносили ему жертвы, не умилоствовали его. Тогда он беспощадно топил их корабли.

Юлька задрала голову, чтобы посмотреть на капитана Периклюса, стоявшего на капитанском мостике и с интересом прислушивающегося к нашему рассказу.

– Ты приносила жертву Посейдону, Периклюс? – обеспокоенно спросила она, глядя на маленькие тучки, показавшиеся на горизонте.

Капитан на мостике, и пара матросов, возившихся с канатами на палубе, прямо согнулись от смеха. Луи, улыбаясь, смотрел на Юльку, которая действительно была не на шутку обеспокоена.

– Зачем я должен был делать это? Я христианин, сеньорита, – сумев справиться с приступом смеха, выдавил капитан.

– Но это же твои, греческие боги, – резонно возразила Юлька. – Это греческое море, и у тебя греческий корабль. Пожалуйста, Периклюс, скажи, что ты сделал все, как надо!

– Не волнуйтесь, сеньорита, я сделал все, как надо, – стараясь быть серьезным, уверил ее капитан.

Я подняла глаза и увидела, что рядом с ним на мостике стоит Марк. Его глаза, казавшиеся при ярком солнечном свете изумрудно голубыми, искрились смехом. Обращенные ко мне глаза Луи были серебристо-серыми, как новенькие советские рубли.

– Расскажи, были ли у них дети? – попросил Луи, слегка прищулив глаза от света и робко касаясь моей руки.

– О, у них было много детей и они все были уже взрослыми, молодыми и красивыми мужчинами и женщинами.

– А дети там были? – спросила Юлька. – Такие, как я и Люк.

– Ну, – сомнением протянула я, глядя на ее вытянувшуюся от разочарования мордашку. – Может быть, только малыш Амур, сын Афродиты, богини любви. Его всегда изображали маленьким мальчиком, белокурым, кудрявым и похожим скорее на девочку, как ты. У него были маленькие крылья, как у херувима. Он летал среди богов и людей со своим маленьким луком и поражал их стрелами из своего колчана. Стрелы эти были волшебными. Их сделал для него его дядя Гефест, бог-кузнец, покровитель ремесла. Тех, в кого попадали стрелы Амура, поражала любовь, и от этих стрел могли пострадать не только люди, но и боги.

– Как красиво! – сказала Юлька. – Давай дальше. Расскажи теперь о взрослых. Кто там у них был самым умным?

– Самой умной была богиня Афина Паллада, дочь Зевса. Она считалась богиней мудрости и справедливости, она покровительствовала всем, кто хотел учиться и тем, кто работал как, ну, скажем, как специалист, в основном, учителям и юристам.

– Это значит, тебе и дяде Марку, – перевела на понятный ей язык Юлька. – Я папе кто покровительствовал? Он же тоже учился в институте?

– У врачей был свой особый бог, тоже сын Зевса, бог-врачеватель Асклепий.

– А у нас с Люком был покровитель?

Я с улыбкой пригладила ее растрепанные ветром волосы.

– Да, конечно. У древних греков никто не оставался без покровителей. Вашей защитницей была младшая дочь Зевса и Геры, юная Геба, покровительница всей детей и подростков.

– А кто был самым красивым из богов? – не сдавалась Юлька.

– Среди мужчин – Аполлон, бог охоты и земледелия. Его всегда изображали прекрасным молодым человеком, светловолосым, синеглазым, с лавровым венком на голове, луком и лирой в руках. Потому что по совместительству он был еще и покровителем искусства, богом поэтов и писателей. Самой красивой богиней считалась Афродита, богиня любви и красоты, покровительница всех влюбленных. Она тоже была светловолосой и синеглазой, как Аполлон. По греческой легенде, эти боги были выходцами из северной Греции, Фракии, где тогда жили славяне.

– Великого Александра Македонского иногда называли фракийцем, – неожиданно для меня сказал Луи. – Я всегда думал, почему? В моей книге было написано, что он грек.

– Александр Македонский учился в Греции, в школе у великого греческого философа и ученого Аристотеля, но он не был греком, – пояснила я, с изумлением глядя в серьезное лицо шестилетнего мальчика. – Откуда ты знаешь про Александра?

– Мне нравится читать книги о войне и военной истории, – ответил Луи. – Иногда я даже играю в разные битвы со своими солдатиками. Я играл все битвы, которые провел Александр Великий! И еще – Наполеон Бонапарт.

– Ты слышал о Грюнвальдской битве? – с нежностью глядя на мальчика, спросила я.

– Нет. Ты расскажешь, Элена?

– Завтра! – безапелляционно заявила Юлька, жаждавшая продолжения рассказа о греческих богах.

– На носу – Афины! – провозгласил с капитанского мостика Периклос. – Будем заходить в городской порт, капитан?

– Нет, бросим якорь в той самой маленькой рыбацкой деревушке под Афинами, где мы останавливались в прошлый раз, – услышала я спокойный голос Марка. – Оттуда я возьму машину, и мы отправимся в город на экскурсию.

– С вашей замечательной гостьей вам не понадобится даже экскурсовод, – сказал капитан. – Прекрасная сеньора словно родилась в Греции. Как же можно было упустить такую девушку, капитан?

– Не трави душу, Периклюс. И без тебя тошно. Пока мы будем в городе, найди какую-нибудь тихую безопасную бухточку, чтобы вечером половить рыбу, сделать костер и искупаться. Команду можешь отпустить на берег.

Глава 3

Весь день мы провели в Афинах. Дети излазили Парфенон вдоль и поперек, у меня уже просто болел язык от рассказов о приключениях богов и героев. Под конец дня, совершенно обессиленные и полные впечатлений, Луи и Юлька чуть не падали с ног от усталости. Сжалившись над Юлькой, корчившей уморительные рожицы, Марк взял ее на руки, она положила голову ему на плечо и тут же уснула. Луи мужественно шел рядом со мной, вложив свою ладонь в мою руку. Чтобы как-то развлечь его, я спросила:

– Хочешь, я расскажу тебе про Грюнвальдскую битву, как и обещала?

Он взглянул на меня своими серебристыми усталыми глазами и вежливо согласился. Через полчаса после того, как я начала рассказ о деталях сражения и о личностях великого магистра Тевтонского Ордена Ульриха фон Юнгингена, великого литовского князя Витовта и короля Польши Владислава Ягелло, Луи, забыв об усталости, почти вприпрыжку скакал рядом со мной.

– Ты покажешь мне диспозицию союзных войск? – возбужденно попросил он, когда мы уже подходили к машине Марка, припаркованной на стоянке возле большого супермаркета.

– Каким образом? – удивилась я.

– На песке. Ты нарисуешь мне картину сражения на песке? На пляже. Хорошо?

– Хорошо, – скрывая улыбку, сказала я.

И тут произошло неожиданное. Из маленького кафе наискосок от главного входа в супермаркет вышел небольшого роста человек в мятом льняном костюме, которого сопровождала дородная женщина в брючном костюме от Лагенфельда. Человек с интересом посмотрел в нашу сторону, и в следующую минуту уже мчался по направлению к нам с такой скоростью, что я испугалась.

– Мой дорогой барон! Луи! Кого я вижу! Я и подозревал, что вы в Афинах! – возбужденно закричал он, приблизившись к нам. – Почему же ты не дал нам знать, Марк? Моя вилла к вашим услугам!

– Мы прибыли в Афины только сегодня утром, – сказал Марк, улыбаясь его потешному энтузиазму, перекладывая спящую Юльку на другое плечо, чтобы пожать маленькому человечку руку.

– А это что за маленькая фея? – с интересом спросил человек, рассматривая Юльку, а потом взгляд его упал на меня.

– О боже! – его рот приоткрылся от изумления. – Девушка с портрета! Алиция фон Ротенбург! Так ты все-таки женился на ней, Марк?! Боже, мои самые искренние поздравления! Когда же ты успел? Это твоя дочь?

Вопросы вылетали изо рта маленького человечка почти с пулеметной скоростью, так, что отвечать на них не было времени, впрочем, он и не ожидал, что кто-то будет на них отвечать.

– Представь же меня твоей жене! – закончил свой монолог человек.

Марк грозно взглянул на откровенно веселящегося Луи, уже открывшего было рот, чтобы что-то сказать, потом на меня, причем в его взгляде была какая-то скрытая просьба, значения которой я сначала не поняла, и произнес, поочередно взглянув на меня и на маленького человечка.

– Тео, позволь представить тебе баронессу Элен фон Ротенбург. Элена, это мой старый друг по Сорбонне, сеньор Теодор Папандопулос, в настоящее время человек настолько богатый, что может купить Афины.

Маленький человек рассмеялся, потирая руки от удовольствия. К этому времени к нам успела подойти и его жена.

– Боже, малютка совсем устала! – сказала она зычным голосом, с умилением глядя на Юльку.

Юлька лениво открыла один глаз и взглянула на нее.

– Какая миленькая девочка! – продолжала гречанка, разглядывая Юльку.

Юлька открыла оба глаза, но головы с плеча Марка не сняла.

– У нее зеленые глаза! – закричала в восторге женщина, жена Тео. – Как тебя зовут, малышка?

– Джулия, – ответила Юлька с такой важностью, что мы с Луи, переглянувшись, рассмеялись.

– Елена, – потянул меня за руку Луи, все это время не выпускавший моих пальцев из своей ладони.

Воспользовавшись тем, что Марк, его друг Тео и его жена были заняты возней с Юлькой, я присела рядом с Луи и заглянула ему в лицо.

– Что такое? Ты устал?

– Нет, – его серебристые глаза неотрывно смотрели мне в лицо. – Когда мы будем на «Агриппе», так называется вилла дяди Тео, можно я буду называть тебя мамой?

Я так растерялась, что в первую минуту утратила дар речи.

– Ты такая добрая и такая красивая, и с тобой так интересно, я бы умер за то, чтобы ты была моей мамой, – тихо и серьезно продолжал он. – Это очень важно для мальчика иметь красивую маму. Пожалуйста, Елена!

«Я убью тебя, Марк!» – быстро подумала я про себя, поклявшись в очередной раз, что в один прекрасный день я заставлю Марка заплатить за все.

– Договорились, – только и сумела произнести я вслух, проглотив вставший в горле ком.

– Спасибо! – глаза Луи вспыхнули от радости, он порывисто, на одно короткое мгновение прижался ко мне, обхватив меня за шею руками, и уткнувшись своим лицом в мои распущенные по плечам волосы, которые ему так нравились. Это жест не укрылся от глаз маленького Тео, который мог купить Афины.

– Я смотрю, у вас все, как полагается в счастливых семьях: дочка – любимица папы, а сын – мамочкина любовь, – весело сказал он.

Юлька, наморщив лоб, внимательно посмотрела в лицо Марка, хотела было что-то сказать, но потом передумала. Вместо этого, она ладошками разгладила воротник светлой летней рубашки Марка, и, обернувшись к Тео, с проникновенным видом пояснила ему, словно деревенскому дурачку:

– Мама любит нас всех одинаково.

Жена Тео вдруг неудержимо рассмеялась и протянула руки по направлению к Юльке.

– Иди ко мне, радость моя! Такая, право, забавная девчушка!

– Я уже большая, – сказала Юлька, взбрыкивая, пытаясь соскользнуть с рук Марка. – Я просто устала лазить по Парфенону и разрешила ему себя понести.

Марк осторожно поставил Юльку на землю. Она тут же подбежала к нам с Луи и схватила его за руку.

– Я пойду с Люком, – сказала она, оборачиваясь к жене Тео. – Если хочешь, я могу взять тебя за другую руку.

– Хочу, – сказала жена Тео, улыбаясь. – Вы ведь остановитесь у нас на несколько дней? Не правда ли, Марк, Елена?

Марк вопросительно поднял бровь.

– Ты не возражаешь, дорогая? – мягко спросил он.

– Ну что ты, любимый! – не осталась в долгу я. – Как же я могу тебе отказать?

Жена Тео с интересом посмотрела на меня.

– Вы знаете, Елена, – вдруг сказала она, – я ведь вас помню! Помню, как семь лет назад в Париже этот шантажист Лагенфельд предложил вам отдать свою фирменную вещь за то, чтобы вы прошли в ней по подиуму в одном из его магазинов моды. И вы прошли! Я помню, все парижские газеты моды пестрели заголовками, что молодая баронесса фон Ротенбург не только невероятно похожа на прежнюю, но и подтверждает ее славу эпатажной женщины! Это было так романтично!

Краем глаза я успела заметить, как побледнело загорелое лицо Луи.

– Не понимаю, что в этом было романтического, – проворчал Марк под смехок маленького Тео. – Нам после этого пришлось почти месяц провести в Рамбуэ, прежде чем газеты перестали смаковать эту историю.

– Все-все! – захлопала в ладоши жена Тео, которую, как я выяснила позднее, во время нашей поездки на виллу, звали Аманда. – Мы отправляемся на «Агриппу». Когда мы приедем, Марк, ты позвонишь своему капитану, пусть он пришвартует яхту у нашего нижнего причала. Надеюсь, это до сих пор Периклюс?

– Да, – коротко отозвался Марк.

– Вашему причалу? – удивилась я. – Что же это за вилла?

– О, моя прекрасная баронесса, – весело сказал Тео, подхватывая меня и Марка под руку и увлекая к подкатившему к нам длинному, как трамвай, темному кадиллаку. – У меня возле Афин совсем небольшая вилла. Всего лишь несколько сотен квадратных километров, два причала, и пару километров пляжей. Но нам хватит, нас ведь не так много, не правда ли? Детишки покатаются на пони, а мы позагораем и порыбачим. Вы любите рыбалку?

– Терпеть не могу! – честно созналась я под смех Аманды.

– Другого ответа я и не ожидал, – добродушно сказал Тео. – Значит, Марк будет весь мой. А вы с Амандой займете себя детьми и коктейлями.

Все так и получилось. Аманда и Юлька быстро нашли общий язык и занялись коктейлями.

Я и Луи спустились с каменной открытой площадки перед домом на пляж, находившийся от нее буквально в нескольких метрах и расстилавшийся, казалось, на все обозримое с двух сторон пространство. Луи был грустным и задумчивым.

– У тебя болит голова? – обеспокоилась я после его нескольких вялых замечаний, трогая рукой его холодный лоб. – Пошли, я дам тебе лекарства. Ты сам на себя не похож. Я тоже молодец – надо было на тебя бейсболку, что ли, натянуть. Такая жара!

– Да нет, спасибо, не стоит. У меня ничего не болит, – вежливо отказался Луи, подходя по галечному пляжу к воде.

Он наклонился, поднял с земли камешек и с размаху закинул его в воду. Подняв кучу брызг, камень упал на мелководное дно.

– Кто же так кидает? – поддразнила его я, пытаюсь растормошить. – Смотри!

Я наклонилась, чтобы отыскать нужный мне небольшой округлый плоский камешек. Вспомнив уроки мальчишек в Баку, я выпрямилась, отвела руку так, чтобы убедиться, что камешек полетит параллельно воде, и, прицелившись, пустила камень вперед. Пролетев несколько метров параллельно поверхности воды, камешек погрузился было в воду, но затем вынырнул, подпрыгнул раз, другой, выныривая из воды через несколько сантиметров, и к моему удивлению, проделал это раз пять, не меньше.

– Вот это да! – Луи с недоверием и восхищением смотрел на меня. – Как ты это сделала?

– Секрет фирмы, – со смехом сказала я. – Хочешь, научу?

Он подпрыгнул от восхищения, как это всегда делала Юлька, и бросился собирать камешки.

Следующие полтора часа мы провели, азартно швыряя камни в воду, причем, так увлеклись этим занятием, что даже не заметили, что вернувшиеся с рыбалки Марк и Тео уже некоторое время наблюдали за нами, стоя в нескольких шагах от нас, за нашей спиной, тоже спустившись с веранды на пляж.

– Кто бы мог подумать! – наконец, негромко сказал Тео, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. – У такой красивой баронессы фон Ротенбург просто замашки афинского уличного мальчишки!

– Все мы когда то были детьми! – сказала я, с улыбкой оборачиваясь к нему, и тут же насмешливо добавила: – Бьюсь об заклад, вы так не сможете, Тео!

– Это вызов! – закричал маленький круглый Тео, бросаясь собирать камни с такой же готовностью и энтузиазмом, как Луи. – Я докажу вам, баронесса! Поездка на Крит и ужин в лучшем ресторане, если я не смогу повторить ваш бросок, прекрасная Элен! И ваш поцелуй – если мой камень сделает больше скачков!

– Боже, да вы азартный игрок, Тео! – расхохоталась я. – Идет, я принимаю пари! Поездка на Крит и ужин на всех, если вы проиграете!

Глаза Луи блестели, как звезды.

– Давай, Елена! – шепнул мне на ухо он, заставив меня наклониться к нему и обнимая меня за шею. – Я в тебя верю!

Марк молча стоял рядом, не вмешиваясь в наш разговор. Он казался высокомерным и отдаленным, как лунный свет.

– Папа, а ты на кого ставишь? – живо спросил Луи, оборачиваясь к нему.

– Ты хочешь, чтобы я поставил на Тео? – спросил Марк.

– Да! – выпалил Луи, даже не подумав. – Тогда мама сможет выиграть то, что она хочет!

– Мама? – изогнув бровь, спросил Марк, бросая на меня уничижительный взгляд.

Луи наклонился к нему и прошептал что-то ему на ухо. Я увидела, что после его слов Марк, на секунду прикрыв глаза, удовлетворенно кивнул.

– И чего же хочет мама? – тут же спросил он, снова глядя на меня. – По-моему, она и так имеет все. Мое сердце и мое имя.

Я взглянула на него и тихо сказала, зная, что никто, кроме него, не сможет понять значение моих слов:

– Я хочу кольцо Алиции фон Ротенбург.

Марк отшатнулся от меня, как будто я его ударила.

– Нет! – произвольно сказал он.

– Ну, тогда, – я повернулась к ничего не подозревающим Тео и Луи, смотревшим на Марка в состоянии легкого шока. – Я хочу то, что хочет Луи! Луи? Твое желание!

Луи наморщил лоб.

– У меня все есть! Джулия! – в ту же минуту закричал он, привлекая внимание Юльки и Аманды.

– Ау? – заорала по своему обыкновению Юлька, словно она находилась в лесу. – Люк! Что случилось?

Увлекая за собой Аманду, Юлька скатилась с террасы и подбежала к Луи.

– Люк?

– Джулия, мама спорит с Тео, а папа хочет поставить против нее, – быстро и лаконично объяснил ей ситуацию Луи. – Чтобы ты хотела получить от отца?

Я увидела, как глаза Аманды насмешливо блеснули.

– Что за спор? – деловито спросила Юлька.

– У кого камешек сделает больше скачков, – сказал Луи.

Юлька повернулась к Тео.

– Брось камень! – категорично потребовала она.

Маленький Тео пожал плечами, поднял с земли камешек и небрежно бросил его в воду. Скакнув два раза, камешек исчез в воде.

– Ставь на маму! – одобрила Юлька. – Она все равно разделает его, как бог черепаху. Пусть папа, – она оценивающе посмотрела на Марка, словно раздумывая, как получше достать его, – пусть он целый день будет учиться танцевать ламбаду!

Аманда и Луи переглянулись между собой и не могли удержаться от смеха. Даже на лице маленького Тео промелькнула ухмылка.

– Лучше бы ты отдал ей кольцо своей матери! – обращаясь с Марку, только и сказал он.

– Она может и проиграть, – заметил Марк.

– Как же она проиграет, если и дети и Аманда будут болеть за нее? – резонно возразил Тео. – А малышка Джулия так вообще думает, что я безнадежен!

– Ты очень хороший, Тео, – подала голос Юлька, вызвав новый приступ смеха у Аманды. – Только ты не умеешь кидать камни в воду так же хорошо, как мама.

Стоит ли говорить, что маленький Тео действительно проиграл. Его камешек скакнул целых четыре раза, он мог гордиться собой, но мне просто несказанно повезло, я еще никогда не добивалась такого результата – мой плоский галечный камень выскочил из воды в полете семь раз.

– Ура! – закричал Тео. – Я проиграл! Баронесса выиграла для вас всех поездку на Крит и обед в лучшем ресторане города! Барон фон Ротенбург будет учиться танцевать ламбаду! Да за это я лично подарю ей самое красивое кольцо, которое найду у Голдсмита!

– Это я придумала! – возмутилась Юлька.

– Хорошо, и тебе тоже, – великодушно согласился Тео.

– Боже, Марк, я обожаю твоих детей! – сказала Аманда, со смехом обнимая Юльку. – Ты просто счастливчик!

– Трус! – сказал Тео, хитро покосившись на Марка. – И жадина.

– Тео, это личное, – предостерегла его я. – Оставь его в покое. Я не должна была этого говорить.

– Ладно, проехали, – тут же согласился Тео. – А теперь всем ужинать и спать. Завтра с утра едем на Крит!

Глава 4

Когда мы с Марком и детьми после ужина вошли в отведенные нам на вилле апартаменты, у меня просто отпала челюсть. Посреди огромной по размерам спальни стояла двуспальная кровать с балдахином.

– Какого черта! – только и сказала я, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Подожди, – Марк остановил меня, взяв за руку повыше локтя.

Он провел меня через всю спальню к скрытой за занавескою панели двери, за которой оказалась другая, поменьше размерами комната с двумя односпальными кроватями.

– Это комната для детей, – пояснил мне Марк. – Мы с Луи ляжем здесь, а вы с Джулией устроитесь на большой кровати. Не стоит привлекать к этому внимание.

Я пожала плечами, высвободила из его пальцев свою руку и прошла к кровати. Марк и Луи ретировались в свою комнату.

– Здорово! – сказала Юлька, потрогав пальцами кружевное покрывало, и отправилась в ванную. Через несколько минут она вернулась, продемонстрировала мне свои почищенные зубы и умытое лицо и с тихим вздохом восхищения нырнула в кровать.

Я прошла в ванную и с удовольствием приняла душ. Когда я вернулась в спальню, ночник все так же сиротливо горел на ночном столике у изголовья кровати. Юлька спала, уткнувшись носом в подушку. Из комнаты мальчиков не доносилось ни звука, свет был потушен. Неслышно ступая босыми ногами по пушистому ковру на полу, я прошла к ночному столику, выключила ночник и легла в кровать. Я уснула сразу же, как только моя голова коснулась подушки.

Я проснулась внезапно, словно вынырнула на поверхность. Какой-то странный звук разбудил меня. Несколько секунд я лежала, прислушиваясь, пока не поняла, что это был звук тихих голосов, раздававшихся с балкона, примыкающего к спальне. Я тихо встала и подошла к балконной двери.

Судя по всему, оба балкона, наш и в детской комнате, в которой расположились Марк и Луи, были соединены между собой, ибо, стоя у балконной двери своей комнаты, я слышала каждое слово их разговора. Они оба, видимо, не смогли заснуть и теперь, тихо беседуя, стояли на балконе.

– Значит, она тебе нравится, папа? – прозвучал в тишине голос Луи.

Марк не ответил.

– Почему ты не захотел отдать ей бабушкино кольцо? – помолчав, снова спросил Луи.

– Это кольцо должно принадлежать жене наследника рода, – помолчав, на этот раз отозвался Марк. – У меня нет жены. И никогда не будет. Я передам его тебе. Им будет владеть твоя жена, женщина, которой ты отдашь свое сердце, и которая станет твоей женой.

– Елена знает историю этого кольца, – тихо сказал Луи. – Она рассказала мне историю основательницы нашего рода, дочери князя Острожского, когда говорила о битве при Танненберге, которую она называет Грюнвальдской битвой. Она не знала, что мы, Ротенбурги, тоже знаем ее. Она очень похожа на мою бабушку с портрета в замке. Даже дядя Тео назвал ее девушкой с портрета, а Аманда рассказала ту знаменитую историю про тебя и Элену в Париже, которую упоминают все, когда говорят о таинственной любви барона фон Ротенбурга. Папа, ответь мне честно, Елена – это моя мать?!

Я застыла у балконной двери безмолвной статуей, как легендарная жена Лота.

– Что она тебе сказала? – в голосе Марка прозвучало откровенное страдание.

– Елена? – Луи вздохнул. – Ничего. Я сам догадался. Вы все еще думаете, что я ребенок. Помимо тебя, Аманды и Тео, о моей матери много говорят в семье за твоей спиной. Тетя Кристина упоминала, что она красивая, русоволосая, с голубыми глазами, очень похожая на бабушку. Я видел ее фотографию в твоём альбоме и твоём бумажнике.

– Это Елена! – через минуту обвиняющим тоном закончил он.

Некоторое время они молчали, а потом снова заговорил Луи, не по летам развитый красивый семилетний мальчик, мой сын.

– Ты ведь не смог удержаться, ты не смог отпустить ее, когда увидел в бассейне. Почему ты на ней не женился, папа?!

– Когда я встретил ее, я был женат, – наконец, тяжело роняя слова, сказал Марк. – А она была невестой твоего дяди. Это очень длинная и сложная история.

– Хорошо, – помедлив, сказал Луи, так и не дождавшись продолжения. – Все говорят, что ты отнял меня у Элены и выкинул ее из Германии. Почему?!

– Кто говорит? – повысил голос Марк. – Снова тетя Кристина?

– Папа, – все также рассудительно сказал Луи. – Я только хочу знать, что случилось. Мне очень нравится Елена. Кроме того, она моя мама, – его голос дрогнул. – Я хочу ее лучше узнать. Я хочу, чтобы у меня была мама! Я хочу, чтобы мы все вместе собирались на Кристмас и дарили друг другу подарки. Я хочу, чтобы у тебя не был такой страдальческий взгляд, когда ты смотришь на нее. Я хочу, чтобы мы все были счастливы!

– Замолчи, Луи-Себастьян! – тихим страшным безжизненным голосом сказал Марк. – Ты сам не знаешь, о чем говоришь. Она замужем. И она не любит меня. Она меня никогда не любила. И тебя тоже.

– Неправда, – твердо сказал Луи. – Если бы она тебя не любила, ты бы так не страдал. Я знаю, Елена любит меня. Я это чувствую.

– Иди спать, Луи, – в голосе Марка на этот раз прозвучала усталость.

Я тихо отошла от раскрытого балконного окна и вернулась в постель. Юлька уютно сопела у меня под боком, но я не могла спать. Проворочавшись в постели еще около пол часа, я накинула на плечи ночной халат и вышла на балкон.

Некоторое время я просто стояла на балконе, любуясь видом, открывавшемся на море. Прохладный морской бриз внезапно бросил прядь волос мне в лицо, и в тот же миг я услышала какой-то странный звук, словно кто-то всхлипнул. Я обернулась и осмотрелась кругом, стараясь определить в предрассветной тьме, есть ли кто-то еще на балконе. Звук повторился. Я прошла в ту часть, которая прилежала к комнате мальчиков и увидела в дальнем углу скорчившуюся фигурку Луи. Он сидел на полу, обняв колени руками, уткнувшись лицом с коленки, и плечи его сотрясались от плача. Сама чуть не заплавав от жалости, я подошла к нему, села рядом с ним на пол и, притянув его к себе, обняла его за плечи рукой, прижала к себе, стараясь его согреть. Он поднял на меня заплаканное лицо, шмыгнул носом и, не говоря ни слова, позволил себя обнять. Нашептывая ему на ухо милые глупости, я гладила его волосы, прижимала к себе его хрупкое тельце, и мне казалось, что я никогда не была так счастлива.

Внезапно что-то словно подтолкнуло меня поднять голову. По другую сторону балконного окна, в комнате мальчиков, стоял Марк и безмолвно смотрел на нас. Заметив, что я его увидела, он сделал было движение по направлению к нам, но я молча отрицательно покачала головой, он кивнул и отошел от окна вглубь комнаты.

– Луи, – я наклонилась к мальчику и шутливо чмокнула его в нос, вызвав тень слабой улыбки на его лице. – Ты совсем замерз! Пошли, я возьму тебя в нашу теплую постель, и ты согреешься.

Луи отстранился и изумленно посмотрел на меня.

– В вашу постель?

– А что? – спросила я, изображая дурочку. – Мамы никогда не берут в свою постель маленьких мальчиков, которые замерзли и ужасно расстроены?

– Я не маленький мальчик, – шмыгнув носом, сказал он, и, помедлив, тихо добавил, с каким-то странным вызовом взглянув на меня: – И вы не моя мама, Елена.

– Ты просил меня называть тебя мамой, пока мы на «Агриппе», – возразила я, поднимаясь на ноги и увлекая его за собой, стараясь не показать, как задела меня его слова. – Так что давай не спорь со мной. Со мной даже Юлька не спорит, когда я рассержусь! Пошли.

К моему удивлению, он пошел. Я нашла в шкафу дополнительное одеяло, закутала Луи в него, а потом, спеленатого, как ребенка, забросила на нашу огромную по размерам постель, и прямо в ночном халате улеглась в постель сама, стараясь не разбудить Юльку. Притянув к себе Луи, я положила его голову себе на плечо и тихо спросила:

– Хочешь, расскажу тебе сказку?

– Сказку? – он вдруг тихо рассмеялся. – Это уже немного слишком. Расскажи лучше какую-нибудь историю.

– Какую?

– Помнишь, ты говорила, что Эвелина Острожская, мать основательницы нашего рода, переодевшись в мужское платье, участвовала в битве при Грюнвальде? Откуда ты знаешь про нее?

– Ну, ты и жук, Луи! – сказала я, еще крепче прижимая к себе его холодное тельце. – Легенда о княгине Острожской передается в моем роду из поколения в поколение. Мои предки, как и твои предки, имели родственные отношения с князьями Острожскими. Ты доволен?

Луи кивнул, потерся носом о мое плечо и через некоторое время виновато произнес:

– Извини, там, на балконе, я не хотел обидеть тебя.

– Я знаю, – сказала я. – А ты знаешь, кто был муж Эвелины?

– Князь Острожский, – помедлив, сказал Луи, и в голосе его прозвучало недоумение.

– Так называли его европейцы при польском дворе. В Литве его знали под родовым именем его приемного отца, князя Корибута. Во время битвы он заменил Витовта на поле боя, когда тот переформировывал войска, и это благодаря смоленским полкам, которые возглавил он, союзники смогли завоевать победу.

– Князь Острожский был князем Корибутом? – изумленно спросил Луи, поднимая голову с моего плеча. – Это правда? Но он же погиб во время сражения?

– Это одна из версий. По другой хронике, он остался жив. Согласно преданию, сохранившемуся в нашей семье, князь Острожский прожил еще много лет и даже успел побывать чешским королем. Ты знаешь, каким было его первое имя? Его первое имя было Лев, в детстве у него даже было прозвище «анжуйский львенок». Он говорил на всех европейских языках, был блестящим дипломатом при дворах Ягайло и Витовта. Он был красив, умен и храбр. В семье его звали Луи. Луи Острожский. Так что, гордись, малыш. Ты был назван в честь блистательного князя Острожского!

Луи вздохнул, снова положил мне на плечо свою темноволосую головку и сонным голосом сказал:

– Спокойной ночи, мама.

Утром я снова проснулась от того, что Юлька прыгала на моей постели. В дополнение к этому, я услышала, как переговаривались между собой Луи и Марк.

– Луи, возьми с собой Джулию, умойтесь и отправляйтесь в столовую, – произнес прямо над моей головой голос Марка.

– А мама? – вмешалась неугомонная Юлька.

– Я позабочусь о маме, – невозмутимо отозвался Марк.

Я дождалась, пока вопли прекратились, и открыла глаза.

Марк стоял в ногах возле огромной двуспальной кровати и внимательно смотрел на меня. Он был уже полностью и с иголки одет в легкие, песочного цвета брюки, и белую рубашку с коротким рукавом, в который он выглядел эдаким элегантным, но скромным миллионером, поскольку, судя по качеству ткани и простоте покроя этот скромный прикид стоил целое состо-

яние. Впечатление ложной скромности портил только браслет часов дорожущего платинного золота Роллекса на его запястье.

– Проснулась?

– Даже не знаю, что сказать, – неопределенно отозвалась я. – Как тебе удалось избавиться от этих маленьких хищников? Предложил им позавтракать?

Марк рассмеялся.

– Да. Я поручил их заботам Тео и Аманды. У них никогда не было своих детей, значит, они самые подходящие люди для того, чтобы нейтрализовать наших.

– Блестящий стратегический ход, – похвалила его я. – У тебя тоже задумана какая-то операция?

– Я просто хотел отдать тебе это.

Он протянул мне ладонь, на которой сверкнуло старинным золотом и алмазами знаменитое кольцо баронессы Алиции фон Ротенбург, которое всегда имело символическое значение.

– Кольцо Алиции! – невольно вырвалось у меня. – Ты с ума сошел!

– Я не отдал тебе его вчера потому, что это кольцо невозможно выиграть или купить за деньги, – сдержанно сказал Марк. – Его можно только отдать по своей воле. Я хочу, чтобы оно принадлежало тебе.

– Это кольцо, которое передавалось из поколения в поколение женам наследников рода, – тихо сказала я, не двигаясь с места. – Я не могу принять это кольцо! Я не твоя жена.

– Ты – мать моего сына, ты – та женщина, которой я раз и навсегда отдал свое сердце. Пусть ты и не моя жена на бумаге, но ты женщина, которую я люблю. Этого достаточно.

– Марк, я замужем, – сдержанно сказала я.

– Какая мне разница!

Я запахнула на груди ночной халат и поежилась от утреннего холода, который вливался в открытое окно. Марк подошел ко мне, взял мою руку, лежавшую на покрывале, и одел на мой палец кольцо. Потом поднес мои пальцы к губам.

Я посмотрела на его красивый классический профиль и, почти ненавидя себя за то, что делаю, сказала:

– Ты обещал, что будешь вести себя прилично, Марк.

Он усмехнулся.

– Я и веду себя прилично. Если бы я не был связан этим своим обещанием, все было бы по-другому.

– Как?

– Элена, не провоцируй меня, – предупредил меня он, не выпуская из своей руки моих пальцев.

– А то что? – с легким вызовом спросила я. – Что ты сделаешь, горячий эстонский парень?

Он с недоумением посмотрел на меня.

– Эстонский парень?

– Извини, русская шутка, – сказала я, высвобождая свои пальцы из его руки. – Ты не мог бы выйти? Я хочу встать.

– Вставай, – сказал он, не двигаясь с места.

Теперь уже я, подняв брови, посмотрела на него с легким недоумением.

– Это, по-твоему, называется вести себя прилично?

– Вполне. Чего ты боишься? Что я увижу твое совершенное тело и снова тебя изнасилую?

– Боже упаси! – с насмешкой сказала я. – Как можно! Барон фон Ротенбург никогда не опустится до этого. Он предпочитает действовать шантажом!

Увидев выражение его лица, я поняла, что, пожалуй, переборщила.

Он резко встал и прошел к окну.

– Одевайся, – не глядя на меня, холодно сказал он. – Мы собирались на Крит сегодня, с Тео и Амандой. Дети уже завтракают. Извини, но я хочу остаться в комнате по тактическим соображениям.

– Ну да, я понимаю, – пробормотала я, вставая из постели. – Имитация счастливой семейной жизни, надо полагать?

Не дожидаясь его ответа, я прошла в ванную. Когда через полчаса, не меньше, я вышла из ванной, уже успев привести себя в порядок и даже переодеться в легкий светлый сарафан для поездки, Марк по-прежнему стоял, отвернувшись к окну. На моей постели лежало белое, классического покроя платье без рукавов, даже на первый взгляд казавшееся невероятно дорогим. Когда я, не удержавшись, подошла к кровати и взглянула на него поближе, я немедленно увидела неприметную бирку самого дорогого модельера мира.

Марк обернулся ко мне от окна.

– Не могла бы ты, в качестве личного одолжения мне, надеть это платье сегодня, – сдержанно попросил он, увидев, что я вернулась в комнату.

– Это подарок? – спросила я, касаясь платья рукой.

Ткань была такой легкой и шелковистой, что казалась невесомой.

– Да.

Я не стала спорить. Молча взяв платье, я ушла в ванную, переделалась и, вернувшись в комнату, подошла к Марку, все еще стоявшему у окна.

Он мельком взглянул на меня и сказал:

– Ты очень красивая женщина, Элена. Это платье словно сшито для тебя. Спасибо.

– Тебе спасибо, – заметила я. – Ты готов? Можем идти?

– Я буду до конца жизни сожалеть о том, что шесть лет тому назад отобрал у тебя Луи, – неожиданно сказал он, взяв меня за руку и глядя мне в лицо. – Мне не хватило тогда пяти минут в аэропорту с тобой, чтобы изменить это ужасное решение. Но, что сделано, то сделано. Я не могу отдать тебе его сейчас. Он – мой наследник, а ты замужем за другим мужчиной.

Я смотрела ему в лицо, как замороженная, изумленная тем страданием, которое отражалось в его темно-синих глазах.

– Элена! – он взял меня за плечи, чтобы лучше видеть мои глаза. – Прости меня! Я не смог, не сумел разлюбить тебя.

Он наклонился ко мне и его губы коснулись моих губ, сначала легко и мягко, а затем быстро и жадно, словно он торопился напиться, страдая от жажды. Я с ужасом почувствовала, как все поплыло у меня перед глазами, и знакомое, но давно забытое нерациональное и абсолютно неконтролируемое желание его близости вновь начинает быстро разгораться в моем теле. Мои губы предательски дрогнули, он очень хорошо уловил этот момент, и как всегда, совершенно правильно его понял. В следующую минуту он сжал меня в объятьях, не отрываясь от моих губ.

Бог знает, что бы еще случилось, если бы в дверь легонько не стукнули костяшками пальцев и голос Аманды весело произнес:

– Выходите, голубки. Потом намылуется. Тео уже икру мечет от нетерпения.

Марк выпустил меня из объятий, я трясущимися руками поправила свои растрепавшиеся волосы. Он внимательно оглядел меня, кивнул, и пошел к двери. Я поспешила за ним. Открыв дверь, он пропустил меня вперед, и первое, что я увидела, была снисходительная добрая улыбка, светившаяся на загорелом, умело подкрашенном лице Аманды.

– Надеюсь, вы хорошо спали, ваша светлость? – спросила Аманда, обращаясь к Марку.

Она уже откровенно усмехнулась, когда он вежливо что-то ответил, и в его голосе прозвучала предательская хрипотца.

Глава 5

Поездка на Крит превратилась в сплошное бедствие. Началось с того, что Марк буквально не отходил от меня ни на шаг. Он предложил мне руку, когда мы спускались в пещеру Минотавра. Когда я бездарно, по своему обыкновению, спотыкнулась на первой же выщербленной многочисленными туристами ступеньке, он, удержав меня от падения, положил мне руку на талию, и после этого не снимал своей руки с моей талии на протяжении всего путешествия по пещерам. Сказать, что это было просто неудобно для меня, значило вообще ничего не сказать. Сквозь тонкий шелк платья я чувствовала сухое тепло его ладони, от которого словно расплзались мурашками теплые струйки чувственного удовольствия по всему моему телу. Когда мы вошли в пещеру, я потихоньку освободилась от его руки, но не прошла и трех шагов, как высокая шпилька моего каблука попала в расщелину пола, и мне пришлось уцепиться за его руку, чтобы не упасть. Понося про себя нехорошими словами свое русское воспитание, которое не позволяло мне появляться в общественных местах, да еще в компании мужчины, небрежно одетой, я покорно тащила рядом с Марком, думая о том, чтобы поскорее вернуться на яхту и переодеться в шорты и легкие шлепки.

Только когда мы вышли из пещеры, и перед нами открыто засверкали камеры репортеров, я получила слабое удовлетворение от того, что я прилично выгляжу.

– Я как-то не подумал об этом, – в то же время шепнул мне на ухо оказавшийся с другой стороны от Марка Тео. – Извини, Элена, это моя вина. Эти шакалы преследуют меня в Греции повсюду. Представляешь, говорят, что я мафиози!

Словно для того, чтобы сейчас же опровергнуть его слова, в тот же миг одна из нахальных девиц с микрофоном вынырнула и толпы и подсунула микрофон прямо под нос Марка:

– Ваша светлость барон фон Ротенбург, – прочирикала она по-немецки, – что вы делаете на Крите? Вам здесь нравится? Вы завязываете деловые отношения с греческими дельцами?

Марк крепче ухватил меня за руку, посмотрел на девицу, и спокойно ответил:

– Я здесь на отдыхе. Без комментариев.

Потом он вежливо отодвинул девицу в сторону и, увлекая меня через толпу туристов, быстро пошел к выходу.

– Луи, Джулия! – окликнул он успевших убежать вперед детей.

Луи обернулся и все понял. Он так же, как Марк меня, быстро ухватил за руку Юльку и повел ее нам навстречу.

Судя по сверканию камер, было уже поздно. Исхитрившись повернуть голову назад, чтобы посмотреть, что случилось с Тео и Амандой, я увидела, что Тео говорит по сотовому телефону, скорее всего, вызывая охрану.

Мы с детьми оказались в плотном кольце репортеров.

– Ничего не говори, иди молча, смотри перед собой, как будто ничего не происходит, – шепнул мне Марк, улучив минуту.

Он по-прежнему целеустремленно шел вперед, отодвигая со своего пути настойчивых людей с камерами и микрофонами. Сразу же после того, как Луи и Юлька присоединились к нам, он взял Юльку на руки, чтобы ее не затерли в толпе. Луи ухватил за руку меня и, к моему величайшему облегчению, втиснулся между мной и Марком.

– О, молодой Луи фон Ротенбург тоже с вами! – трещала, не отставая от нас, девица с микрофоном. – Стало быть, это семейный визит? Значит, ваша спутница и есть та самая таинственная молодая баронесса, девушка из Парижа?! Боже мой, ну, конечно же! Платье от Лагенфельда, мы же видели ее первый раз на подиуме у мэтра в Париже! Знаменитое кольцо Ротенбургов на ее пальце! И малышка! Это ваш второй ребенок, ваша светлость!? Боже мой, это сенсация! Маленькое интервью моему журналу, ваша светлость! Умоляю! Я пришла вам

на редакцию текст и фотографии! Вы станете звездой! У вас самая красивая семья из всех богатых людей Германии, которых я встречала, ваша светлость!

Я вздохнула с облегчением, когда с дюжину крепких парней в светлых летних костюмах, появившись словно ниоткуда, как трое из ларца, стали быстро и умело оттирать репортеров в сторону.

– Мама! – внезапно донесся до меня голос Луи.

Я остановилась, останавливая Марка.

– У меня камень кроссовке, я не могу идти, – быстро сказал Луи, виновато посмотрев на отца.

Мы по-прежнему были в двойном окружении охраны и, все еще, репортеров. По лицу Марка скользнуло выражение недовольства. Я тут же присела на колени перед Луи и, заставив его опереться рукой на мое плечо, быстро стащила с его ноги кроссовок, вытряхнула из него мусор и парочку острых прибрежных камешков, и снова натянула кроссовок на его ногу. Общение с Юлькой, вечно умудрявшейся набивать мусор в ее тапки по малолетству, научило меня проделывать такие вещи в мгновение ока. Марк даже не успел открыть рот, чтобы выразить свое недовольство, как мы с Луи снова были на ногах. Луи улыбнулся мне как солнышко, и я невольно вернула ему его улыбку. Камеры сверкали без остановки.

Мы вновь быстро двинулись вперед, и скоро мальчики из охраны окончательно оттерли в сторону репортеров, всунули нас в темную машину с тонированными стеклами, захлопнули двери, и в тот же момент машина плавно двинулась вперед.

– Уф! – Тео протянул мне стакан с холодным лимонадом. – Что за ад!

– Тео, ты представляешь, что скажут завтра газеты?! – в голосе Марка была неприкрытая ярость.

– Подумаешь! – быстро отозвался Тео, метнув хитрый взгляд на Аманду. – Что они могут сказать? Барон фон Ротенбург отдыхает на Крите со своей семьей! Что в этом криминального? У тебя красивая жена, красивые дети. В чем дело? Такая реклама пойдет тебе даже на пользу. Хоть один богатый человек – примерный семьянин, проводит свободное время со своей семьей и все такое. Очень похвально. Вот если бы они сфотографировали тебя и меня, роющих яму, допустим, где-нибудь на южных пляжах, это было бы уже серьезно. Тогда бы они могли написать, что мы, скажем, прятали трупы убитых мной конкурентов. Вот тогда бы это была проблема!

Марк посмотрел на меня, я посмотрела на него, и мы не сказали больше ни слова. Масштабы трагедии могли оценить в настоящий момент только он и я. Возможно, все и обойдется. Если недалекие курортные репортеры опубликуют только красивые фотографии и успокоятся на этом.

– Видишь, – толкнула локтем Луи Юлька, стараясь шуткой разрядить обстановку, – а ты переживал, что я забыла свой фотоаппарат. Завтра у нас будет целая куча фоток, если они, конечно, с нами поделятся.

Несмотря на трагизм положения, я не смогла удержаться, чтобы не рассмеяться вслед за Амандой.

Мы вернулись на яхту, съели ланч, и разбредлись по своим каютам, заверив Тео, что к шести вечера все будут готовы к тому, чтобы отправиться в ресторан.

Утро следующего дня было приятным исключением. Юлька не прыгала на моей постели, стремясь разбудить меня. В каюте было подозрительно тихо. Присмотревшись, я поняла, почему. Юльки в ней не было. Рассудив, что с яхты Иарка ей не убежать, я решила принять душ, быстро оделась в шорты и майку и вышла на палубу.

На палубе гремела музыка ламбады. Только тогда я с усмешкой сообразила, что Юлька и Луи, по-видимому, заставили «папу» платить проигрыш. Это было уже забавно. Действи-

тельность превзошла все мои ожидания. Вся компания расположилась на носу яхты, как раз под находившимся ярусом выше капитанским мостиком. Ухмыляющийся Периклюс врубил музыку прямо из капитанской рубки и стоял на мостике, с трудом удерживаясь от смеха при взгляде вниз.

На небольшом подиуме на носу яхты, предназначение которого оставалось для меня неизвестным, царствовала Юлька. Одета в коротенькую белую юбочку на кокетке и красную майку, она демонстрировала стоявшим напротив нее Люку и Марку танцевальные движения ламбады. Босоногий, в светлых парусиновых шортах, Люк, сосредоточенно закусив губу, пытался ей подражать, и надо сказать, у него это неплохо получалось. Тоже босоногий Марк, в светлых брюках и не застегнутой белой рубашке с короткими рукавами, смотрел на них с таким выражением на лице, что мне на минуту стало его жалко. В тенечке, ближе к каютам, сидели в шезлонгах, потягивая лимонад, Тео и Аманда. Тео наслаждался этим представлением, как моя бабушка спектаклем в Большом театре.

– Елена! – закричал он, увидев меня. – Иди сюда, дорогая! Ты отомщена! Никогда не видел такого плохого танцора, как наш дорогой барон!

– Мама, он правда безнадежен! – сказала Юлька, вытирая со лба капельки пота. – Мы уже три часа мучаемся!

Марк посмотрел на меня с выражением комического отчаянья на лице. Его темные волосы были взерошены, на висках поблескивали капельки пота.

– Смотри!

Юлька подскочила к нему, взяла его ладони в свои и скомандовала:

– Раз-два-три, начали!

И она грациозно задвигалась рядом с ним в танце, поднимаясь на носочки и опуская ножки на полную ступню, длинноногая, тоненькая, легкая, как эльф. Марк, переступая с ноги на ногу, честно пытался ей подражать. Прикрыв газетой лицо, Аманда смотрела в другую сторону. Плечи ее подрагивали от сдерживаемого смеха, глаза были надежно укрыты темными очками. В отличие от нее невоспитанные Тео и Периклюс хохотали в полный голос.

– Это все потому, – сказала я, приближаясь к Марку и Юльке, – что ты его неправильно учишь.

Юлька оскорблено развернула свои узенькие плечи.

– Это еще почему?

– Так танцуют девочки. Девочки всегда умнее, они чувствуют музыку и душу танца. Мальчикам, особенно таким большим и таким тяжелым, по сравнению с тобой, надо все объяснять. Отойди от него, сейчас я его быстро научу.

Юлька выпустила руку Марка и отошла в сторону.

Я подошла к Марку почти вплотную, взглянула в его сокрушенно-хитрые глаза, потом, не давая ему времени придти в себя, положила свои ладони на его узкие бедра и глядя ему в лицо, сказала:

– Я буду держать свои руки там, куда я их положила. Чувствуй, как я буду нажимать то на одно бедро, то на другое. Двигайся вместе со мной. Понял?

Глаза Марка потемнели от сдерживаемого желания.

– Начали!

Марк оказался вовсе не таким безнадежным. Когда он понял, что я от него хочу и начал подчиняться музыке и нажиму моих ладоней, он смог изобразить нечто похожее на ламбладу уже через несколько минут обучения.

– Молодец! – кричала Юлька, хлопая в ладоши. – Двигай бедрами!

– Боже! – закричал Тео, вызвав громовой хохот Периклюса. – Остановитесь, девочки! Чему вы его учите! Вы мне так из него гомосексуалиста сделаете! И как я только поддался на этот спор!

– Давай, Марк! – не удержалась Аманда. – У тебя уже получается. Может быть, мне стоит поучить Тео?

– Боже упаси!

Тео позорно сбежал на верхнюю палубу и присоединился к Периклюсу.

Я сняла руки с узких бедер Марка и положила ладони на его широкие плечи.

– Теперь повторяй сам!

– Можно мне положить руки тебе на талию? – вежливо спросил он.

– Это не вальс! – закричала Юлька. – Мама, теперь ты делаешь все неправильно! Вы должны держаться за руки, и он должен положить одну руку тебе на талию. Так делали в клипе!

– Против клипа не поспоришь! – Марк крепко привлек меня к себе, так, что наши бедра, раскачиваясь в танце, оказались плотно прижатыми друг к другу, в то время, как, откинувшись назад, я уперлась вытянутыми руками ему в плечи.

– Немедленно прекрати! – сердито прошептала я, пытаюсь вырваться из его железной хватки.

– Ты сама это начала! – тихо сказал он.

Сквозь мои легкие шорты и тонкую ткань его брюк я чувствовала его напряжение.

– Оставь меня в покое! – я уже начала нервничать не на шутку.

Его прикосновения возбуждали меня, а то, что он сказал мне вчера утром в спальне и как он вел себя во время нашей поездки на Крит не оставляло сомнений в том, что он в меня по-прежнему влюблен. Хуже всего было то, что я сама, кажется, не меньше него желала нашей близости. Это надо было остановить, во что бы то ни стало. В прошлый раз это слишком дорого мне обошлось.

Я оттолкнула его, но он не собирался меня отпускать. Танцуя, мы приблизились почти к самому бортику яхты. Он не оставил мне выбора. В меня словно черт вселился. Я вспрыгнула на теплые от солнца, широкие деревянные поручни бортика, несколько раз покачнувшись, раскинув руки, обретая равновесие, а потом прошла по нему несколько шагов, как в детстве по барьеру тротуара, и, глядя на приближавшегося ко мне Марка, тихо сказала:

– Сделай еще шаг по направлению ко мне, и я прыгну в воду!

– Но почему? – также тихо спросил он. – Это глупо, в конце концов!

– Я не шучу!

По-прежнему глядя мне в глаза, он сделал шаг по направлению ко мне. Я плавно повернулась на поручнях лицом к воде и прыгнула с яхты прямо вниз, в воду. Уже в воздухе я успела сформироваться, вытянуть руки и вошла в воду почти без плеска, как приличный пловец. Если я умею что-то делать, как следует, так это нырять и плавать. Детство на Каспийском море и воспитание мальчишками нашего двора дало мне большую практику. Я постаралась нырнуть как можно глубже, уже под водой открыла глаза, посмотрела вверх и вперед, увидела у себя над головой дно яхты, прошла под ним, и вынырнула с другой стороны, удостоверившись, что случайно не попаду под винт мотора.

Когда я вынырнула возле противоположного борта яхты, я услышала, как они заглушили мотор и бросили якорь. Мысленно поздравив себя с очередной удачной идиотской выходкой, я некоторое время побыла в воде возле борта. Потом, держась за линь, подплыла ближе к борту и, цепляясь за скобы и выемки в нижней части линии фарватера, попыталась залезть на нижнюю палубу. После нескольких неудачных попыток, я подняла голову и увидела, как один из случайно проходивших на нижней палубе матросов выглянул за борт, увидел меня и в тот же миг, радостно оскалившись, прыгнул к борту и бросил мне веревку, а потом буквально за шкуру втащил на борт.

– Никому ни слова! – прижав палец к губам, сказала я.

Он затряс головой, сдерживая радостную ухмылку.

– Что там происходит? – не удержалась я. – Почему они заглушили мотор?

– Так вас ведь ищут, баронесса, – бесхитростно ответил мне матрос. – Думают, вы утонули. Его светлость шлюпки спустил, ныряет самолично.

– Ах, вот как! Спасает, значит.

Еще раз предупредив матросика, чтобы он держал язык за зубами, я поднялась к себе в каюту, приняла душ, вымыла голову, переделась в белое платье от Лагенфельда и распустив по плечам длинные волосы, быстро сохнувшие на воздухе, поднялась на среднюю палубу.

Уже подходя к бортику, я увидела две шлюпки, спущенные на воду неподалеку от яхты и столпившихся возле перил Тео, Аманду, Юльку и Луи. Периклюс, стоя на мостике, бешено жестикулировал и что-то кричал матросам, остававшимся в шлюпке. Марка не было видно. Очевидно, его светлость нырял, пытаясь спасти мою жизнь.

Я подошла к бортику и стала рядом с Юлькой. Почувствовав движение воздуха, Юлька обернулась, увидела меня, глаза ее округлились, она открыла рот, чтобы закричать от радости, но я снова прижала пальцы к губам, призывая ее к молчанию. Юлька закрыла рот и выдохнула воздух. В следующую минуту она толкнула локтем Луи, и вся молчаливая сцена повторилась сначала. Тео и Аманда в неверии посмотрели на меня, потом губы Тео раздвинулись в такой ухмылке, что, я подумала, что он не забудет этой минуты надолго.

Последним заметил меня Периклюс. Закрыв рот, он прекратил материть матросов в шлюпках за медлительность так резко и неожиданно, что они удивились. Подняв головы, они заметили, кто быстрее, а кто чуть медленнее, меня, стоящую, как ни в чем не бывало, у перил вместе со всей компанией. В тот же момент Периклюс, войдя в роль, сделал такое зверское лицо, что никто из них не проронил ни звука. Тео уже радостно катался по палубе, задыхаясь от смеха, предчувствуя очередную шутку.

Я спокойно стояла у перил и ждала, когда появится Марк. Когда он с плеском, отфыркиваясь и отдуваясь, вынырнул на поверхность возле борта одной из лодок, я немного подождала, а потом, наклонившись через перила, светским тоном спросила, обращаясь к нему:

– Ну, как водичка, ваша светлость? Не холодная? Купаться можно?

От звука моего голоса он вздрогнул, резко поднял голову вверх и в ту же минуту ушел под воду.

Юлька и Люк рассмеялись.

Марк вынырнул, откинул со лба мокрые волосы, посмотрел на меня, и на лице его отразилась такая ярость, что начавшие было посмеиваться и перебрасываться шуточками матросы и Периклюс, увидев выражение его лица, замолчали. Не затрудняя себя возвращением на шлюпку, Марк повернулся и резкими быстрыми гребками поплыл к яхте.

– Елена, беги! – негромко сказала мне Аманда.

– Спрячься где-нибудь, – поддержал ее Тео. – Это была отличная шутка, кроме того, ты его честно предупреждала, что это сделаешь. Но сейчас он в таком состоянии, что совсем не соображает, что делает. Ему просто хочется оторвать тебе голову. Он чуть сознания не лишился, когда ты так неожиданно сиганула в воду. Аманда права, беги!

Я взглянула вниз, увидела, что Марк, пеня воду, уже проплыл половину расстояния до яхты, и решила последовать их общему совету.

Я успела подняться на верхнюю палубу и пробежать половину расстояния до капитанской рубки, когда увидела, что, воспользовавшись брошенным ему канатом, Марк поднялся не на нижнюю палубу, как это сделала я, я прямо наверх и теперь, тяжело дыша, остановился в нескольких шагах от меня, ожидая моего приближения. Вода ручьями стекала по его все еще остававшемуся сердитым лицу, гладким обнаженным плечам, бугрившимся мускулами, тонким холщовым брюкам, которые он не успел снять, прежде, чем броситься за борт спасать меня, и образовывала лужицы возле его босых ног. Устрашенная выражением его лица, я сделала было движению к бортику, но увидела, как глаза его сузились от гнева, и он в ту же минуту оказался рядом со мной:

– И думать не смей! – прошептал мне на ухо он, сжимая меня в объятиях. – Ты сделаешь такое еще раз, и я утоплю тебя собственноручно!

Потом он поднял меня на руки и, пинком раскрыв дверь капитанской каюты, внес меня внутрь и закрыл дверь. Поставив меня на ноги, он запер дверь на ключ, и бросил ключ на стол.

– Что ты такое вытворяешь? – его голос был тих от бешенства, он наступал на меня, в то время, как я отступала к кровати. Помещение капитанской каюты не было особенно большим, но места там было достаточно.

– Я тебя предупреждала! – упрямо сказала я, глядя ему в лицо. – И, кроме того, ты мне обещал!

– Обещал что?!

– Что будешь вести себя прилично!

– Я и вел себя прилично!

– Прилично?! Ты лапал меня на глазах репортеров весь день на Крите, и потом когда мы танцевали ламбаду на палубе!

– Ты сама все это начала. Ты думаешь, я железный?! И вообще, что за неадекватная реакция?!

– Неадекватная?! Мне что, надо было ждать, когда ты займешься любовью со мной на глазах всей команды?

– И поэтому ты не нашла ничего лучшего, как выпрыгнуть за борт?! Знаешь, Елена, иногда мне кажется, что у тебя с головой не в порядке!

– А как я еще могла тебя остановить?!

– Почему бы не попросить, не закричать, не дать по морде, в конце концов! Ты понимаешь, что я пережил, когда думал, что ты утонула?! – он почти кричал мне в лицо.

– А ты понимаешь, что я пережила, когда ты отнял у меня сына?! – не осталась в долгу я.

– Ах, вот как! Бессердечная девчонка! – он толкнул меня на кровать. – В таком случае, ты хотя бы представляешь, что пережил я, когда ты избавилась от моего ребенка и вышла замуж за моего отца?! Тебе никогда не приходило в голову, что я должен был думать и что чувствовать?! Я был готов удушить тебя собственными руками! Нет, так больше продолжаться не может! Я заставлю тебя остаться со мной! Пусть мне придется применить силу, но, крайней мере, этот бесконечный кошмар кончится!

Он стоял в ногах кровати и расстегивал ремень своих светлых все еще влажных от морской воды брюк. Рубашку он даже не потрудился одеть, когда так поспешно возвращался на яхту. Я взглянула на его загорелую грудь, на ходящие под кожей бугры мускулов, и почувствовала, как где-то внизу моего живота поднимается горячая волна, а к моим щекам прилила кровь.

– Ты отказался от меня! Ты меня бросил, когда я нуждалась в тебе! – запальчиво сказала я, отводя от него взор.

– Ерунда! Я просил тебя подождать, и только!

Он закончил со своими брюками и очутился рядом со мной в кровати.

– Я не могла ждать! – закричала я, снова отталкивая его. – Я была беременна, я была напугана и сбита с толку! Мой сказочный принц, любовь всей моей жизни убежал, поджав хвост, когда дело пахло горячим!

Его сильное тело прижало меня к кровати. Из последних сил я пыталась оттолкнуть его, но мое тело предавало меня – вместо того, чтобы упереться руками ему в плечи, мои руки бессильно скользнули по его плечам, и соединились в объятии вокруг его шеи, а мое тело прижалось к нему в иступленном страстном порыве. Этот мужчина имел какую-то мистическую власть надо мной.

– Что за ахинею ты несешь?! – простонал он, прижимая к моим губам и одним движением глубоко входя внутрь меня. – Да я посидел за те несколько дней.... когда пытался

договориться с Аделиной и подбивавшим ее на все эти гадости твоим дорогим мужем... Эгисом Ротенбургом. А потом еще оказалось, что он сделал тебе аборт самолично!

Содрогаясь от страсти под ударами его плоти, я все же смогла прошептать:

– Это была внематочная беременность!

Он со стоном излил в меня свое семя, и некоторое время молчал, перевернувшись на спину и крепко прижимая меня к себе.

– Но я не знал об этом! – наконец, хрипло сказал он. – И мне он об этом не сказал! Он просто бросил к моим ногам в присутствии всей семьи мешок с кровавым месивом и сказал.... Ты знаешь, что он сказал.

Марк внезапно поднялся и сел на постели и, не глядя на меня, устало провел рукой по волосам.

– Почему ты не позвонила мне?!

– Я звонила! – мне внезапно стало его жалко. – Твоя секретарша все время говорила, что ты или в Канаде, или занят. Потом вы с Эгисом начали убивать друг друга, и барон пригласил меня в Германию.

Он повернулся ко мне.

– Зачем ты вышла за него замуж?!

– Потому, что барон мне нравился!

Я перевернулась на живот, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Я не имел в виду отца, – вздохнул Марк. – Я говорю об Эгисе Ротенбурге.

– Он всегда был моим другом, – сказала я, тоже садясь в постели. – Потом родилась Юлька и, честно говоря, мне обрыдло быть матерью-одиночкой в России.

Марк не дал мне возможности убежать. В следующую минуту он снова очутился рядом со мной, быстро перевернул меня на спину и навис надо мной своим телом.

– Почему ты вышла замуж за него, но не захотела выйти замуж за меня?! – глядя мне в глаза, спросил он.

Его губы почти касались моих губ. Мне внезапно вновь стало трудно дышать от поднимавшегося в моем теле желания его близости. Я с трудом нашла в себе силы возмутиться, хотя возмущение мое было непритворным:

– Ты забыл?! Ты отнял у меня Луи!

– Я отнял у тебя Луи потому, что думал, что желание вернуть сына заставит тебя выйти за меня замуж, – его тело снова прижалось к моему. – Я любил тебя. Любил до безумия.

Он вздохнул, словно смиряясь с тем, что новая волна страсти начинает стремительно покрывать нас обоих с головой, и словно сдаваясь ей.

– Надо полагать, Эгис пообещал тебе попытаться отобрать у меня Луи? – прерывисто прошептал он.

– Да! – его последние слова снова вывели меня из себя. – И он пообещал, что защитит от тебя меня и Юльку.

– Причем здесь малышка Джулия? – недоуменно спросил он, и я тут же прикусила язык, поняв, что совершила ошибку.

– Джулии четыре года, – медленно, размышляя вслух, произнес он и поднял на меня глаза. – Значит, она родилась в девяносто четвертом году, почти через год после смерти моего отца. Луи, кажется, упоминал о том, что ее день рождения как раз накануне Кристмаса, он хотел пригласить ее в Лапландию, на встречу с Дедом Морозом.

У него внезапно перехватило дыхание.

– Джулия – моя дочь?! Мы ведь спали с тобой тогда, после смерти отца!

Я с неожиданной силой оттолкнула его от себя и начала ожесточенно вырываться из его объятий. Сначала мне это почти удалось, он на секунду опешил от неожиданности, но потом пришел в себя и немедленно вернул меня на прежнее место.

– И думать не смей! – сорвавшимся голосом почти прошептала я, чувствуя, как на моих глазах закипают слезы бессилия. – Даже думать не смей, что ты можешь отнять у меня еще и Юльку! Вспомни, перед тем, как ты отобрал у меня Луи и выбросил меня из страны, я провела несколько дней с Эгисом! У вас равные шансы быть ее отцом!

– Никогда не поверю, что умненький Эгис Ротенбург не сделал тест на отцовство, – с жесткой усмешкой сказал Марк, внимательно глядя мне в лицо.

– Не знаю, может и сделал, – огрызнулась в ответ я. – Он мне об этом не докладывал!

– Значит, Джулия точно моя дочь! – отрубил Марк. – Если бы это был его ребенок, он бы оклеил результатами теста стены своего дома. – Знаешь, Елена, – он внезапно почти с нежностью посмотрел мне в лицо, – иногда мне хочется свернуть твою хорошенькую шейку. Но только иногда. Потому что я знаю, что тебе никуда от меня теперь не деться. Я люблю тебя. Я тебя не отпущу и никому тебя не отдам. Ты разведешься с Эгисом и выйдешь замуж за меня.

– Нет! – непроизвольно вырвалось у меня.

– Почему? – он взял в свои ладони мое лицо и осыпал легкими нежными поцелуями мои прикрытые глаза, мои щеки и губы. – Ты ведь тоже любишь меня, Елена.

– Эта любовь несет несчастье и разрушение, – прошептала я.

– Почему?

– Она уже сделала несчастным Луи, меня, тебя, Эгиса. Скажи мне, Марк, только честно, ты ведь не сделал ничего, что могло повредить твоему отцу?

Он с негодующим жестом отпрянул от меня.

– Как ты могла подумать!

– Но ты ведь забрал все бумаги и его новое завещание, не правда ли?!

– Это совсем другое! – холодно сказал Марк. – Ты видела новое завещание отца? То, что он написал, было глупо. Он разделил капитал между мной и Луи. Титул наследовал Луи, но после моей смерти. Зачем? Луи – мой сын, мой единственный ребенок, он и так получит все, что у меня есть. Я отдам ему титул после того, как ему исполнится двадцать пять, если он того захочет. Он получит весь капитал, а не половину. Что касается свидетельства о рождении.... Лучше, если мальчика будет воспитывать отец, а не дядя, не правда ли? Ваше свидетельство о браке? Зачем оно тебе? Смерть отца ничего не меняла. Ты все равно останешься баронессой фон Ротенбург. Моей баронессой.

Словно в подтверждение своих слов он снова вошел в меня.

– Я была бы независима от тебя, останься я баронессой фон Ротенбург после его смерти, – упрямо сказала я, задыхаясь от его быстрых сильных движений внутри меня.

Он остановился и как-то странно посмотрел на меня.

– Ты читала новое завещание? – целуя меня, прошептал он.

– Нет, – так же прошептала я, непроизвольно возвращая ему его поцелуй.

– Отец оставил меня опекуном своей семьи, Луи и тебя, – мягко сказал он. – Я бы в любом случае контролировал тебя, Елена. Ты получила бы гораздо больше от меня, как от мужа, чем как от опекуна. Отец знал, он чувствовал всю силу моего влечения к тебе. Когда он предложил тебе выйти за него замуж, он пытался защитить нас обоих.... Тебя и меня. От нас самих... Тебя.... От меня. Меня.... От того, что я мог натворить.

Он откинулся на спину, мягким движением требовательно привлек меня к себе, положил мою голову себе на плечо, взял мою руку и прижал к своим губам мою ладонь.

– Боже мой, как хорошо, – в ту же минуту прошептал он. – Как мне хорошо и спокойно с тобой. Словно ты часть меня, моя лучшая часть. Не оставляй меня, Елена.

За дверью каюты послышались какие-то шорохи, сдавленные вздохи и взволнованный шепот. Мы с Марком переглянулись, он с утрированным ужасом закатил глаза, в то время как на губах его появилась слабая улыбка.

В тот же миг мы услышали притворно сердитый голос Аманды:

– Вы опять здесь, маленькие разбойники? Я же просила вас оставить их в покое.
– Мы беспокоимся за маму, – сказала Юлька. – Барон казался таким сердитым!
– Сначала они ужасно кричали, – добавил Луи, – а потом стало тихо. Вот мы и беспокоимся.

– Боитесь, не прибил ли он ее под горячую руку? – с еле сдерживаемым смехом спросила Аманда.

Сверху, с капитанского мостика, послышался гомерический хохот Тео.

Юлька шмыгнула носом.

– Не волнуйтесь, разбойники. То, что они успокоились, даже хорошо. Значит, договорились. Пойдемте, я дам вам мороженого.

– У тебя есть мороженое? – сразу же заинтересовалась Юлька. – А какое? Шоколадное тоже есть?

– Всякое, на любой вкус, – ответила Аманда. – Пойдем, Луи, ничего с твоей обожаемой мамой не случится. Марк просто не способен обидеть Элену. Он скорее сам себе перережет горло. Крови еще нет, так что будем считать, что все обошлось.

– Не пугай детей! – загремел с мостика Тео. – И вообще, пора бы его светлости уже и подумать о том, где мы остановимся на ночь. На Крите мы уже и так поставили всех журналюг на уши, нам туда соваться не стоит. Представляю, что напишут завтра в газетах! Таинственная баронесса фон Ротенбург на Крите! Его светлость танцует ламбаду на яхте! Греческий миллионер Тео Папандопулос и его жена Аманда путешествуют на яхте в обществе семьи барона фон Ротенбурга! Луи и Джулия фон Ротенбург обедают мороженым на палубе!

Я не выдержала и рассмеялась. Марк сел на постели, повернулся ко мне и с тенью улыбки сказал:

– Боюсь, все будет еще хуже.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я.

– Газеты, – коротко сказал он. – Ты слишком красива, чтобы не привлечь их внимание. Тео прав, но даже он не предполагает, что заголовки будут гораздо хуже. Надеюсь, после такой рекламы твой муж точно потребует развод.

Глава 6

Марк как в воду смотрел. Когда на следующее утро Аманда со смехом швырнула мне на колени кипу свежих газет, я чуть не закричала от ужаса. На первой странице местной критской газеты были крупным планом изображены мы с Марком, прежде чем мы начали спускаться в пещеру Минотавра. Его рука поддерживала меня за талию, значение его откровенного взгляда, устремленного в открытый вырез моего дизайнерского платья не оставляло никаких сомнений в том, о чем именно думал барон в эту минуту.

Первую страницу французского «Ле Монда» украшала просто бесподобная фотография снятых крупным планом меня и Луи. Вот я присела рядом с ним, помогая ему вытряхнуть камешек из кроссовка. Вот мы выпрямились и улыбнулись друг другу. Оба так откровенно счастливы, что казалось просто невероятным, что мы не позировали для этой фотографии. Наглый репортер действительно обладал редким даром подлинного артиста.

Дальше было еще хуже. Немецкая «Цайтунг» опубликовала фотографию всего семейства, включая Юльку. Тоненькая, длинноногая Юлька, в короткой юбочке, с длинными светлыми волосами и казавшимися прозрачными зеленоватыми глазами, кажется, стала любимцей немецких таблоидов. Ее фотографиями, танцующей ламбаду рядом с Марком, спящей на его плече, хохочущей в камеру на пляже, пестрели почти все немецкие газеты. Французские и итальянские газеты предпочитали меня и Луи. Даже журналы моды не остались в стороне. Простое, но элегантное белое платье от Лагенфельда стало сенсацией. В довершение ко всему, Марк со смешком сообщил мне, что утром ему звонил сам глава дома моды и, по обыкновению, передав свои комплименты моей наружности, заявил о том, что в качестве презента за рекламу его фирмы и также, надо полагать, будущую рекламу, он присылает мне последнюю коллекцию его летней одежды.

– Какая несправедливость! – хохотала Аманда, когда в порту Афона на яхту стали доставлять коробки с фирменным знаком, которым, кажется, не было числа. – Я бы удавилась за то, чтобы получить такой экстравагантный подарок от знаменитого мэтра. Чего тебя-то так перекосило, Элена? Тебе что, не нравится популярность? Вы с Луи так эффектно смотрите на всех фотографиях. Я не удивлена, что имеющие изрядный вкус французы предпочитают вас.

– А я что, хуже? – закричала обиженная Юлька.

– Ты пока слишком светлая блондинка, малышка, – сказала Аманда, глядя Юльку по длинным светлым волосам. – Французы предпочитают яркие и контрастные лица, как у мамы и Луи. Зато ты и папа – любимцы немецкой и американской прессы.

– Я даже не представляю, что сделает со мной муж, – забывшись, расстроено сказал я, обращаясь к Аманде, когда дети уже улеглись спать, а мы с ней остались сидеть в удобных шезлонгах на верхней палубе яхты Марка.

– Красавец Эгис фон Ротенбург? – небрежно спросила Аманда.

Прошла минута, прежде чем я поняла значение это замечания.

– Ты знаешь, что Марк и я...

– Да. Марк вчера весь вечер жаловался мне на то, что ты не хочешь бросать своего мужа ради него. Впрочем, я видела Эгиса фон Ротенбурга на похоронах старого барона. Очень красивый мужчина. Я не удивлена.

– Ты не понимаешь, – с досадой сказала я. – Эгис – мой друг, я не могу отплатить ему такой монетой за то, что он помог мне, когда мне нужна была помощь.

– А как же Марк? Ты знаешь, Элена, я хочу сразу предупредить тебя, что я люблю Марка. Я была подружкой Алиции, пусть не очень близкой, но я была достаточно осведомлена об ее отношениях с отцом Гюнтера. Марк был тем, кто, как ни странно, больше всех пострадал

во всей этой передрыге. Герхард ненавидел его потому, что считал Марка виновным в том, что он помешал Алиции бросить Гюнтера. Гюнтер четко знал, что Марк не его сын, и готов был терпеть его только ради того, чтобы сделать Алицию счастливой. Когда Алиция узнала, что Марк не ее сын, она резко изменила свое отношение к нему. В чем, ради всех святых, был виноват этот ребенок?! В том, что он обожал и боготворил мать?! И что происходит двадцать лет спустя? Он встречает девушку, похожую на его мать. Он влюбляется, может быть, первый и последний раз в его жизни. И что делает эта девушка? Выходит замуж за его отца!

– Я была лучшего мнения о твоей проницательности, Аманда, – устало сказала я.

– Я полная дура! – откровенно сказала Аманда, откидываясь в шезлонге и отпивая коктейль из своего бокала. – Я именно так сейчас себя чувствую. Почему ты не говоришь, что Марк отнял у тебя сына? Почему ты не оправдываешься?

– Потому, что все так и есть. Он отнял у меня сына. Я люблю Луи. Я люблю Марка. Но я люблю Юльку и ценю помощь Эгиса. По своему, я люблю Эгиса. Это совсем другое чувство, чем то, которое я испытываю к Марку. Но Марк жесток и непримирим, когда он говорит о своей любви, он заставил меня страдать. Мой красивый муж, как ты выразилась, принимает меня такой, какая я есть. Эта любовь стоит уважения. Я не брошу его.

Аманда отставила свой бокал с коктейлем и внимательно посмотрела на меня.

– Я ничего не понимаю, – сказала она.

– Чего ты не понимаешь?

– Что случилось между тобой и Марком? Он любит тебя. Почему ты не хочешь выйти за него замуж?

Я вздохнула.

– Семь лет назад я мечтала об этом. Он был моим прекрасным принцем на белом коне. Но он был женат. Ладно, он не любил жену, после нашей встречи он стал настойчиво добиваться развода с ней. Мы провели незабываемое время в Париже, вуаля, я беременна. Не делай большие глаза, Аманда. Его развод отложен, он советует мне подождать. Что мне делать? Что бы ты сделала, Аманда?

– Fucking hell! – вежливо выразилась Аманда по-английски.

– Разве ты об том не знала?

– Нет. Продолжай.

– Предположим, что беременность оказалась внематочной. Мой друг, красавец Эгис фон Ротенбург, который, по счастливой случайности, еще и медицинский доктор, лично сделал мне аборт в частной клинике в России. Сделал по той причине, что не может доверить это никому другому. Потому, что он хочет быть уверен в том, что, годы спустя, я смогу родить. Иметь детей. Его детей. Год спустя, события снова вырываются из-под контроля. Старый барон предлагает мне брак, чтобы защитить от обоих. Между нами внезапно вспыхивает симпатия – рождается Луи. Год спустя барон умирает, Марк уничтожает все документы и утверждает, что Луи его сын. Он отнимает у меня Луи и выставляет меня из страны потому, что я не хочу выходить за него замуж. Я действительно люблю Марка, Аманда, но тебе не кажется, что это было немного слишком?!

Бокал Аманды со звоном упал и покатился по палубе.

– Ты говоришь это серьезно?!

– Я понимаю, что ты любишь Марка, Аманда. Я понимаю, как должен был чувствовать себя мальчик, от которого отказалась его мать. Но я не понимаю, за что он обрек на такую судьбу Луи и меня?! Я не отказывалась от Луи! Луи... мой маленький Луи... подарок судьбы для старого барона, как две капли воды похожий на него! За что Марк мстит мне и Луи?! За то, что его мать не любила его? За то, что я не хотела вести себя, как его мать?! Я не смею осуждать Алицию, я ее очень хорошо понимаю. Я люблю Марка как мужчину. Я люблю Эгиса как друга. Все сложилось так, как сложилось. По крайней мере, в настоящий момент все находится

в состоянии баланса. Я не хочу нарушать этот баланс. Я не позволю им снова начать убивать друг друга.

– Боже мой!

Аманда вскочила с кресла и стала на колени перед моим шезлонгом.

– Что такое ты говоришь, девочка!

– Я говорю то, что думаю. Я говорю правду. Никакая любовь не стоит человеческих жизней. Да бог с ними, с жизнями. Никакая любовь не стоит дружбы. Эгис – мой друг. Мне плевать, красив ли он как Аполлон или страшен, как Квазимодо. Марк однажды предал меня, предал мою любовь. Эгис был и остался другом. Что значит секс по сравнению с настоящей преданностью?!

– Ужас! Это просто ужас, что ты говоришь!

Аманда не находила себе места от волнения.

– Ты счастливая женщина, Аманда, – сказала я, пытаюсь улыбнуться и кладя руку на ее руку. – Тео – очень хороший парень, у вас годы жизни за плечами. Нам с Марком просто не повезло. Такое бывает. Не расстраивайся, это редкость.

– Это не нечто абстрактное, это ты и Марк, Элена! – закричала Аманда. – Это Луи и Джулия! Я не могу это так оставить!

– Что ты можешь сделать, Аманда? – я погладила ее по плечу. – Спасибо, что выслушала нас обоих. Спасибо за твоё терпение.

Неожиданно для меня, Аманда вдруг всхлипнула, как Юлька.

– Неужели ничего нельзя сделать?! Я хочу, чтобы вы были счастливы! Марк, ты, Луи, Джулия!

Я обняла ее и терпеливо, словно ребенку, стала втолковывать ей очевидные истины.

– Если Марк разрешит мне видеться с Луи, малыш будет счастлив. Мы можем даже проводить каникулы вместе. У Юльки есть отец. Она обожает Эгиса, я познакомлю вас. Я уверена, он очарует тебя, как он очаровывает всех других женщин. Я и Марк.... Я даже не знаю, что сказать. Я не вижу никакого выхода. Мы никогда не будем счастливы.

Аманда некоторое время внимательно смотрела на меня, а потом осторожно спросила:

– Почему бы тебе тогда не попробовать вариант Алиции?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну.... Ей же как-то удавалось держать обоих Ротенбургов на поводках. Хотя, конечно, это были отец и сын. Да и времена были другие.

Я с изумлением взглянула в ее безмятежное лицо.

– Ты предлагаешь мне продолжать спать с ними обоими? И вы не будете осуждать меня за это?

– Боже мой, какой вздор! – приглушив голос, сказала Аманда, наклоняясь ближе ко мне. – Какая тебе разница, что скажут люди? Если это устроит тебя, и сделает их счастливыми.... Осудить себя можешь только ты сама.

– Боюсь, это не сделает счастливым Марка. Он не признает компромиссов. Его не волнует, что чувствую я. Он даже не думает об этом. Когда он отнял у меня Луи, он действительно полагал, что я знаю, что это было правильным шагом с его стороны. Даже сейчас он думает, что я извлекла из этого урок. Он абсолютно не уважает мои чувства. Он просто не думает о них. В этом разница между ним и Герхардом фон Ротенбургом. Герхард любил Алицию и уважал ее чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.